

ЧАСТЬ I

ЗВЕРЕНЫШ

[Почитать описание, рецензии и купить на сайте МИФа](#)

По всем божественным законам он должен был задохнуться в тот самый миг, когда пуповина трижды обвила его шею и он, синюшный и слепой, появился на свет.

Мать, обессиленная после долгих родов, уснула, оставив корчащегося в муках младенца на грязном полу, залитом водой и кровью. После ночи, проведенной в одиночестве и холоде, он точно должен был умереть, но этого снова не произошло — боги то ли смилостивились над ним, то ли решили оставить его в живых смеха ради, просто чтобы посмотреть, что будет дальше.

Ранние годы своей жизни он помнил смутно, а превратившись в нетвердо стоящего на ногах маленького человека, обзавелся первым приятелем. Старый Пес жил на улице, спал под дырявым навесом и был таким же тощим, как мальчишка, повадившийся есть с ним из одной миски. Пса тот справедливо считал своим братом, делился с ним всем, что имел сам, а Пес, в свою очередь, согревал его по ночам, позволяя зарываться лицом в клочковатый мех.

— Воняешь псиной, — как-то сказала ему мать. — Буду звать тебя Вольфом.

Так у мальчишки появилось имя.

Вольф перенял у старшего названного брата и повадки: рычал, когда ему что-то не нравилось, обнюхивал еду, прежде чем начать есть, и порой очень жалел, что высшие силы не подарили ему хвост, которым он мог бы вилять.

Человеческий язык давался Вольфу плохо. Мать почти не говорила с ним, и он учился выражать свои мысли, запоминая, как общаются люди на постоялом дворе Синего Ганса. Многие завсегдатаи жалели его, отдавали объедки со своих столов, а некоторые и вовсе считали, что он слаб разумом. Лишь немногие видели пытливое любопытство, светившееся в больших карих глазах. Такие люди приглашали Вольфа сесть рядом, говорили с ним медленно, но как со взрослым, и это доставляло ему непередаваемое удовольствие. Пусть речь его была скудной и топорной, в голове роились мысли, от избытка которых он не мог усидеть на месте и то и дело подсакивал. Не умея облекать чувства в слова, Вольф повизгивал и скулил, подражая Псу, но довольно быстро понял, что подобное поведение не встречает ничего, кроме жалости.

Будь Вольф хитрее, он сумел бы использовать это, чтобы получать больше еды и монет, но жалостливые взгляды казались ему невыносимыми. В тщедушном тельце оказалось так много гордости, что, едва заметив на лице собеседника уже знакомую гримасу, Вольф рычал, прыгивал со скамьи и убегал. Его щеки пылали от стыда, а на глазах выступали жгучие слезы.

Так он понял, что ему совсем не нравится, когда его жалеют.

Зимы Вольф не запоминал — дни превращались в бесконечную борьбу с голодом и холодом. Он много спал, прижимаясь к Псу, но стоило первым по-настоящему теплым солнечным лучам коснуться земли, как жизнь возвращалась в унылый серый город, и Вольф снова шел ко двору Синего Ганса — послушать истории, поглядеть на толстопузых торговцев, остановившихся в каморках на втором этаже, и достать немного еды.

Та ранняя весна выдалась теплой: снег быстро сошел, солнце припекало макушку, но старые сапожки промокли еще до того, как Вольф добрался до постоянного двора. Он хотел снять их, но, поразмыслив, решил, что попросит позволения высушить их над огнем. Пес, наблюдавший за ним, одобрительно рыкнул, будто соглашаясь с его решением.

Порой Вольфу казалось, что названный брат понимает его без слов, но доказать этого он не мог. Однажды он попытался рассказать об этом матери, но та лишь отмахнулась, заявив, что, если Вольф продолжит болтать такие вещи, соседи примут его за подменыша и отведут так далеко в лес, что он не сможет вернуться. Умереть в лесу Вольф не хотел, потому прикусил язык и больше не делился с матерью своими мыслями.

В зале на первом этаже пахло жареным мясом, потом и отсыревшим деревом. За длинными столами сидели люди — Вольф не мог сосчитать сколько, но куда меньше, чем обычно.

Усевшись на край скамьи, он зажал замерзшие ладошки меж колен и начал покачиваться, успокаивая сам себя. Пес улегся под столом, но бдительности не терял: провожал ноги уходивших и приходивших людей внимательным взглядом уставших глаз, кожа вокруг которых покраснела и припухла.

В животе заурчало, Вольф сжался, опустил голову и почувствовал, как краснеют уши. В последний раз ему довелось поесть пару дней назад, когда Пес притащил украденный мешок, в котором лежала пара грязных реп, чудом не выпавших по пути, — мыши прогрызли мешковину и оставили в ней несколько дыр. Вольф был так голоден, что вцепился зубами в плотную кожуру, — и тут же получил подзатыльник от матери. Она

отобрала мешок, сварила репу и вынесла ее на улицу в грубой миске. Пес набросился на еду, поглядывая на замешкавшегося младшего брата. Вольф же кусал губы, ощущая что-то доселе неведомое.

Унижение — вот что это было. Но такого слова он еще не знал.

Сидя в теплом зале, вдыхая ароматы, доносившиеся из кухни, Вольф ощущал сводивший нутро невыносимый голод, но не решался попросить еды. Сжав край старой войлочной накидки, он смотрел на побелевшие кончики пальцев, стискивал зубы и сам не заметил, как начал дрожать.

Хлопнула дверь. Вольф очнулся: подскочил от неожиданности и уставился на вошедшую женщину. Невысокая, закутанная в пыльный дорожный плащ, незнакомка прошла к свободному месту, села на скамью и обвела зал задумчивым взглядом. Ее лицо оказалось столь обычным, неприметным, что, наклонившись почесать Пса, Вольф тут же забыл все черты.

Девчонка-подавальщица поставила перед незнакомкой грубую кружку и ушла. Из-под широкого рукава дорожного плаща показалась тонкая кисть с длинными пальцами, и Вольф заметил, как ноготь на одном из них почернел и превратился в загнутый коготь. Женщина опустила его в кружку и стала помешивать пиво, что-то бормоча.

Вольф никогда такого не видел, но мать порой пугала его рассказами о злых старухах, живущих в горах. Она говорила, что Светоч отвратила от них свой лик и потому, лишенные ее благостного сияния, они научились говорить с неразумными тварями и служить господину Блицерону.

Пес выбрался из-под стола и потрусил прямо к незнакомке, стоило той едва заметно поманить его. Вольф

попытался поймать названного брата за хвост, но лишь потерял равновесие и неуклюже свалился на пол. Сидевший рядом мастер Фило, хозяин крошечной хлебной лавки, который всю зиму подкармливал Вольфа черствыми корками, схватил его за шиворот и рывком поставил на ноги.

— Убьешься ведь, — пробасил он.

Вольф лишь кивнул, не отрывая взгляда от женщины, тонкие пальцы которой уже ерошили шерсть на большой голове Пса.

«Если Пес признал ее, бояться нечего», — рассудил Вольф и тоже пошел вперед.

Медленно, шаг за шагом, он приближался к незнакомке на полусогнутых ногах, всем своим видом выражая уважение и покорность. Будь у него хвост, он бы трусливо его поджал. Никто и никогда не относился к Вольфу откровенно плохо, людей он не боялся, но она...

Взгляд светлых глаз, казалось, прожигал дыру прямо в центре лба. Вольф даже потерял это место потемневшими от грязи пальцами — вдруг на коже появилась рана?

Незнакомка же, глядя в его чумазое лицо, продолжала поглаживать Пса.

* * *

Она пришла сюда не просто так. Будь ее воля, ни за что бы не покинула уютный дом в корнях *госпожи*, но пару дней назад они с Хедой бросали кости, и боги оказались не на ее стороне. Проиграв и отругав соперницу всеми бранными словами, которые только знала, Герда собрала дорожный мешок и отправилась в путь.

Как строился Альтфурт, Герда видела: сперва толпа грязных оборванцев обосновалась недалеко от брода, по которому можно было пересечь реку Айбенфлусс верхом, затем к ним наведались люди в одеждах почище.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

